

вообще фонетические средства выразительности; в нынешней поэзии фонема нередко оказывается выразителем смысловой стороны поэтического образа⁴.

Несмотря на применение новейших методов и терминов, сюда же примыкают синтаксические статьи «О структуре предложения» Э. П. Шубина (I, 2) и «К дефиниции термина „предложение“» Г. М. Райхеля (II, 2). Первая содержит смелую, но для педагогики весьма конструктивную рекомендацию заменить номенклатуру членов предложения номенклатурой «типов и членов синтагм» в их иерархии; вторая признает — на основе сопоставления 18 имеющих хождение определений предложения — существенными признаками его лишь «выражение мысли» и «интонацию», относя остальные признаки, обычно приписываемые предложению, к необязательным для любого вида предложения. Сюда относится и сообщение В. А. Жеребкова «К структуре лингвистической процедуры описания системы времен глагола» (II, 2), показывающее, как использование терминов символической логики абстрагирует и универсализует привычное лексико-грамматическое описание категорий времени⁵.

Много места в сборниках нашли новые течения — не только их приемы и термины, но и проблематика. Обширная работа Б. А. Сазонтьева «Модель словесно-логической памяти» (I, 2), несмотря на характер откровенно обзорный и разноаспектный до неорганичности⁶, любо-

⁴ Следует отметить правда, что автор порой явно увлекается, — например, усматривая намек на название «Грузия» в строке «Я груши грыз...»; он склонен к усложненным формулировкам, ср., хотя бы: «Сочетание фонем, общее для группы близких по семантике лексем, обладает потенциальным ассоциативным полем, образованным линиями пересечения семантических полей данной группы лексем. Такие сочетания фонем можно назвать виртуальными ассоциантами некоторой группы лексических значений» (стр. 10, 11).

⁵ Плодотворнее для этих целей, как кажется, применение теории пределов; см. Сахарный Л. В. О содержании понятия «момент речи» в видео-временной системе русского глагола. В кн.: Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы. МГУ, 1969, стр. 304—307.

⁶ Виной тут, видимо, энциклопедически-междисциплинарная эрудиция автора, излагающего и часто не критически аранжирующего литературные данные, — если они просто интересны! — не относящиеся ни к системе аргументов, ни даже к теме. Сомнительна, скажем, объяснительная сила примера с выучиванием эсперанто под гипнозом, иллюстрирующего по замыслу роль самоинструкции (стр. 76), или рассуждения на тему конформизма, должествующего показать неизбежность стандарта (стр. 96). Этой

пыта именно концептуально — выдвижением проблемы усвоения языка индивидом и его функционирования в речевых актах индивида. Модель словесно-логической памяти рисуется так: для распознавания речевой информации (и для речетворчества — при обратном такте ее работы) запрашиваются эталоны различных кодов из долговременной памяти, подразделяющейся структурно и функционально на интонационную, знаковую и операционную (стр. 32—33 и рис. 1). Анализируя эти три инстанции и их дальнейшие разбиения, например, в знаковой — фонемную слоговую, разных уровней вербальную память и т. д., автор пытается раскрыть генезис памяти, ее структуру и функционирование.

Узкоспециальной психолингвистической проблеме посвящена статья А. А. Залевской «Об исследовании интервербальных связей» (II, 1). Ее можно оценивать лишь в ряду других публикаций как еще один шаг к вовлечению в лингвистику свежего и устрашающе разнородного материала, добавляемого психолингвистической методикой «эксперимента на свободные ассоциации». Весьма изобретательными рассуждениями и остроумными методиками А. А. Залевская убеждает читателя в далеко еще не исчерпанных потенциалах изучения «ассоциативных связей», в неправомерности приписывания лингвистического значения лишь наиболее частотным ответам, скажем, первым пяти. Упорядочивая разные слова-ответы, она вводит идею «глубинных моделей», отношений между ними и исходным словом, вообще идею поиска оснований для какой-либо группировки разных ответов, их функциональной и семантической общности. Анализу типов ассоциативных связей между словами содействует сопоставление экспериментальных данных по разным языкам, ставящее проблему разных уровней идентификации исходного слова, его формы и содержания. Положительно оценивая статью в целом, не могу не заметить, что ни в ней⁷,

же причиной можно истолковать перегрузку текста нейропсихологическими сведениями, включая сюда и банально анатомические. В то же время налицо и лакуны; не говоря уже об упущении многих языковых фактов, отметим игнорирование зрительно-образной памяти и воображения, играющих роль в модели любой памяти вообще, а в патологических случаях заменяющих словесно-логическую память (см. хотя бы: Лурья А. Р. Маленькая книжка о большой памяти. МГУ, 1968).

⁷ Не кажется ли правильным, ни оправданным употребляемый в статье и ее заглавии термин «интервербальный» в значении «межсловный»; кстати, читателю так и не удается понять, являются ли интервербальные связи всего лишь другим названием ассоциативных связей или чем-то иным, скажем, более широким, мирящим и известные линг-